

Научная статья
УДК 94(476)
DOI 10.37724/RSU.2022.77.4.005

Феномен квазигосударственности: немецкая пропаганда в области национально-государственного строительства (на материалах Генерального округа Беларусь)

Елена Анатольевна Пушкаренко

Российская таможенная академия, Люберцы, Россия

pushkarenko-elena@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема квазигосударственности как аспекта оккупационной политики и пропаганды генерального комиссара В. Кубе. Территориальные рамки исследования — Генеральный округ Беларусь, хронологические — 1941–1944 годы. Цель работы — определить содержание и задачи немецкой пропаганды и политики по национально-государственному вопросу, ее эффективность. Методы исследования — анализ, синтез, сравнение. Автор считает, что Кубе — глава гражданской немецкой администрации округа — сделал основную ставку в оккупационной политике на пропаганду. Он допускал в публичных высказываниях обороты о «государствообразующем характере белорусского народа», инициировал политику белорусизации и создание целого ряда квазигосударственных, а по сути коллаборационистских образований — Рады доверия, Белорусской народной самопомощи, Белорусской центральной рады, Белорусского судебного аппарата и др., которые должны были выступать дополнительным средством верификации содержания немецкой пропаганды и легитимации власти немецкой администрации в глазах местного населения. Кубе опирался на так называемый «белорусский актив» — представителей культурной, научной среды Беларуси, которые видели в проводимой им политике способ национального возрождения, развития национального самосознания белорусов, создания суверенного государства. В 1941–1944 годах Беларусь пережила определенный культурный подъем, который, однако, затронул лишь узкий круг белорусской интеллигенции. В целом политика белорусизации и пропаганда оккупационной модели квазигосударственности потерпели крах, главной причиной чего стал резкий контраст между содержанием немецкой пропаганды и реалиями оккупационного режима.

Ключевые слова: нацистский оккупационный режим, оккупационная политика, белорусизация, возрождение национальной культуры, коллаборационизм, немецкая пропаганда, Генеральный округ Беларусь, квазигосударственность, национальное самосознание.

Для цитирования: Пушкаренко Е. А. Феномен квазигосударственности: немецкая пропаганда в области национально-государственного строительства (на материалах Генерального округа Беларусь) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 4 (77). С. 45–54. DOI: [10.37724/RSU.2022.77.4.005](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.77.4.005).

Original article

The Phenomenon of Quasi-Statehood: German Propaganda in the Sphere of State Formation (based on the materials of the General District of Belarus)

Elena A. Pushkarenko

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia

pushkarenko-elena@mail.ru

Abstract. The article examines the issue of quasi-statehood as an aspect of Commissioner General V. Kube's occupation policy and propaganda. The territorial framework of the study is the General District of Belarus, the chronological framework is 1941–1944. The aim of the research is to identify the content and the main objectives of German propaganda and state-formation policies and their effectiveness. Research methods are analysis, synthesis, comparison. The author maintains that V. Kube, Head of the German civil administration of the district, prioritized propaganda as the most effective tool of the occupation policy. In his public speeches, he talked about the “state-forming character of the Belarusian people”, he initiated the policy of belarusization and created a number of quasi-state (collaborationist) entities, such as the Rada of Trust, the Belarusian People's Self-Help, the Belarusian Central Rada, the Belarusian Judicial Apparatus, etc., which were supposed to act as an additional means of verifying the content of German propaganda and legitimizing the power of the German administration in the eyes of the local population. V. Kube relied on the so called “Belarusian asset”, i.e. representatives of Belarusian elite, who sought national revival, aspired for the development of national awareness and the creation of a sovereign state. In 1941–1944. Belarus experienced a certain cultural upsurge, which, however, affected only a narrow circle of Belarusian intelligentsia. In general, the policy of “Belarusization” and occupation propaganda failed, for the content of German propaganda and the realities of the occupation regime were strikingly different.

Keywords: occupation regime, occupation policy, Belarusization, national revival, collaborationism, German propaganda, General District of Belarus, quasi-statehood, nationhood.

For citation: Pushkarenko E. A. The Phenomenon of Quasi-Statehood: German Propaganda in the Sphere of State Formation (based on the materials of the General District of Belarus). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 4 (77): 45–54. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.005.

Введение

Обретение независимой государственности можно считать апогеем национально-культурного развития любого исторического народа. Достижение и сохранение суверенитета — процесс сложный и длительный, сопряженный со многими политическими перипетиями. Утрата суверенитета надолго затормаживает эволюцию культурной и языковой идентичности народа, становление важнейших социальных институтов, в первую очередь государства. Сложная историческая судьба белорусской государственности, включавшая периоды расцвета и упадка, стала в годы Второй мировой войны предметом политических спекуляций и поводом для демагогичных и лживых проектов по «возрождению Беларуси». Если в целом немецкая пропаганда в оккупированных европейских странах ограничивалась вопросами разоблачения американско-английской «плутократии» и «освобождения народов Востока от иудо-большевизма», то на территории оккупированной Советской Белоруссии одним из важнейших тематических направлений идейно-политического влияния на местное население стала политика так называемой «белорусизации». Ее неотъемлемой частью были публичные заявления главы Генерального округа Беларусь В. Кубе о скором обретении белорусами государственности в составе «Новой Европы».

Вышеназванная проблема частично уже была исследована, однако существующие отечественные и зарубежные работы в области данного вопроса не в полной мере раскрывают его суть. Большая часть исследований затрагивает лишь отдельные аспекты проблемы. Например, польский историк Ю. Туронак выделил ряд отличительных черт оккупационной политики Вильгельма Кубе [Туронак, 1993]; О. В. Романько провел исследование феномена белорусского коллаборационизма, не затрагивая проблемы немецкой пропаганды [Романько, 2013]; о противоречиях содержания пропаганды и методов оккупационного режима на территории округа Беларусь писала Б. Квинкерт [Quinkert, 2009]; детальный и системный анализ феномена белорусской культуры в период немецкой оккупации осуществил белорусский историк Л. М. Лыч [Лыч, 2011]. Главным предметом изучения современных белорусских историков применительно к обозначенной проблеме остаются вопросы партизанской контрпропаганды и партизанского движения как такового [Беларусь партизанская, 2009]. Таким образом, проблема немецкой пропаганды на оккупированной советской территории требует дальнейшего детального и системного изучения.

Основная часть

Следует отметить, что ставка В. Кубе на пропаганду как основное средство оккупационной политики являлась своеобразной региональной чертой общей политической линии нацистов на Востоке. Его деятельность в должности генерального комиссара во многом была направлена на приобретение симпатий белорусского населения округа путем демагогических заявлений. Уже в первом обращении Кубе к жителям Беларуси от 22 сентября 1941 года декларировалось свободное развитие белорусского края в составе «Новой Европы». В нем говорилось: «Белорусы! Первый раз в

вашей истории победа Германии дает вам возможность обеспечения вашему народу свободного развития и светлого будущего без российско-азиатско-большевистского гнета и чужеземного владычества. Я надеюсь, что каждый из вас понимает, что его интересы тесно связаны с интересами Германии, и что вы будете верными последователями и помощниками немецкого руководства» [Раніца, 1942, 25 дек., с. 1]. В отличие от избитых фраз об «освобождении от большевизма», которыми оперировали пропагандисты вермахта, Кубе в своем обращении представил белорусам некую позитивную перспективу будущего национально-государственного устройства, заявив о «свободном развитии белорусского края без внешнего управления» и «общности германско-белорусских интересов».

Генеральный комиссар обратил внимание на стремление местного национального актива к сотрудничеству и постарался максимально использовать его в интересах Германии. Пытаясь активизировать националистический фактор, Кубе пошел на заявления о перспективах создания белорусского государства, явно противоречившие оккупационным планам нацистов и установкам берлинского руководства [Deutsche Zeitung im Ostland, 1942, s. 1–2]. Однако декларируемая им идея белорусской государственности не имела каких-либо конкретных институциональных форм (по крайней мере, вначале), а носила характер квазигосударственности, воплощением которой уже в сентябре 1941 года стало так называемое «Параллельное бюро» — своего рода местный аналог немецкого Генерального комиссариата в Минске. Возглавил бюро известный белорусский политический деятель Радослав Островский. По задумке Кубе, этот орган должен был выступать в роли «высшей белорусской инстанции» [Туронак, 1993, с. 84]. Однако, в результате интриг внутри коллаборационистских сил, Островский отошел на второй план, так как появилась информация о его сотрудничестве с советскими и польскими властями. Тогда Кубе решил сделать ставку на Ивана Ермаченко, которому в октябре 1941 года было доверено возглавить «Белорусскую народную самопомощь» (БНС). Официально главными целями БНС были объявлены охрана здоровья и опека над бездомными, сиротами, детьми, матери которых заняты на производстве. БНС было передано имущество Белорусского Красного Креста, учрежденного в июне 1941 года и быстро ликвидированного. Однако вскоре члены БНС стали претендовать на участие в политике и в марте 1942 года выступили с инициативой создания автономии Беларуси с организацией самостоятельного белорусского правительства и белорусской армии. Лидеры БНС заявили, что вновь созданное «правительство провозгласит отделение Беларуси от СССР и объявит ему войну как врагу белорусского народа» [Соловьев, 1995, с. 75]. Подобные инициативы явно противоречили реальным оккупационным планам немцев, и, как следствие, в июне 1943 года деятельность БНС была ограничена только сбором пожертвований и вербовкой новых членов.

В русле проводимой политики белорусизации последовала организация целого ряда общественных, научных, культурных и молодежных объединений: «Белорусского научного общества», «Белорусских профсоюзов», «Всебелорусского женского комитета», «Союза белорусской молодежи». Само их наличие и активное участие в пропагандистских, общественно-политических и культурно-просветительских акциях должно было стать свидетельством доверия немецких властей к местному белорусскому активу, наличия общих интересов и перспектив взаимного сотрудничества.

Одним из приоритетных направлений белорусизации оказалось формирование национального самосознания и национальной идентичности белорусов. Специфика исторического развития народа Беларуси проявилась в том, что в течение длительного времени он пребывал в культурном и цивилизационном пространстве соседних держав — Речи Посполитой и Российской империи, подвергаясь при этом целенаправленной полонизации и русификации соответственно. Как следствие, это отразилось на национальном самосознании белорусов, которые в большинстве своем к моменту вступления вермахта именовали себя «тутэйшыя», то есть «местные». Как отмечали немецкие источники, длительная предшествующая политика русификации и полонизации белорусского населения привела к тому, что «белорусы, в массе своей, считают себя русскими в большей степени, чем белорусами (в восточных областях) и соответственно поляками в Западной Беларуси» [НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 411. Л. 8]. На эту особенность обратили внимание представители немецкой администрации и постарались использовать ее в оккупационной политике.

Апелляция к национальным чувствам белорусов, их стремлению к развитию национальной культуры и языка послужила основой национальной политики генерального комиссара округа В. Кубе. Он пошел на целый ряд шагов, чтобы укрепить к себе доверие со стороны белорусской интеллигенции, которая наиболее деятельно отреагировала на проводимую им политику. Во-первых, Кубе санкционировал использование национальной символики — бело-красно-белого флага и герба «Погоня», которые стали неотъемлемыми атрибутами всех проводимых

пропагандистских акций и мероприятий. Во-вторых, Кубе разрешил широкое и повсеместное использование белорусского языка как в повседневной жизни, так и в официальном документообороте (делопроизводство в Генеральном комиссариате в Минске велось на двух языках — белорусском и немецком, а в составе администрации было немало этнических белорусов). В-третьих, содержание материалов пропаганды в области национального развития основывалось на акцентировании внимания белорусского населения на так называемых «исторических обидах». Подчеркивалось, что в периоды нахождения белорусской земли в составе сопредельных государств ее культура и язык пребывали в состоянии упадка и умышленного разрушительного влияния. В-четвертых, Кубе инициировал учреждение Белорусской православной автокефальной церкви, а также санкционировал деятельность других религиозных конфессий — католической, униатской, мусульманской. Была объявлена свобода вероисповедания, которая противопоставлялась предшествующему советскому периоду атеизма и богоборчества. При этом власти обращали внимание на то, чтобы богослужения проводились на белорусском языке. В-пятых, немецкая гражданская администрация во главе с Кубе возобновила деятельность школ, было объявлено даже об организации работы нескольких вузов (что на практике осталось лишь декларацией). Обязательным компонентом учебных планов учебных заведений всех уровней стали белорусский язык и история Беларуси. На уроках естественно-научного цикла ученики проходили такие темы, как «Понятие о расах», «Характеристика рас», «Арийская раса как высшая культурная и цивилизационная раса человечества». Учебные планы по истории включали следующие разделы: «Беларусь и Германия», «Беларусь в строительстве Новой Европы», «Жизнь Адольфа Гитлера» и др. В-шестых, Кубе инициировал проведение самых разных культурно-просветительских мероприятий и акций, связанных с белорусскими традициями и обычаями, в рамках которых происходило и пропагандистское воздействие на участников. На территории округа выходили газеты и журналы на белорусском языке. Велась радиопередачи на белорусском языке, посвященные культурно-исторической проблематике, демонстрировались пропагандистские кинофильмы. Возобновили деятельность белорусские драматические театры и кружки художественной самодеятельности. В целом немецкая администрация особое внимание уделяла вопросу использования белорусского языка в образовательном, научном, культурном и религиозном пространстве.

Как следствие, вся эта разнонаправленная и широкомасштабная деятельность была воспринята частью белорусской интеллигенции как проявление некоего культурного подъема Беларуси, как возможность построения белорусской государственности в оккупационном формате, как первый шаг в обретении суверенитета. Именно представители белорусской культурной и научной интеллигенции, движимые наивной надеждой на реализацию декларируемых Кубе лозунгов о «возрождении Беларуси», стали социальной опорой проводимой им политики. Многих из них привлекала сама возможность творческого самовыражения на родном языке, популяризации их произведений в оккупационных изданиях, а кого-то и шанс быть приближенными к власти, призрачные перспективы участия в государственном строительстве и др. Результаты этого «культурного подъема» имеют отдаленные последствия. Среди современных белорусских историков можно встретить и такие оценки деятельности Кубе в области национальной и культурной политики: «Если бы вдруг возник вопрос об избрании кого-нибудь из первых политических руководителей нашего Отечества за последние 70 лет почетным членом Товарищества белорусского языка имени Скорины, то у Кубе было бы больше шансов, чем у других, стать таковым» [Лыч, 2011, с. 73].

При этом в реальные планы нацистов отнюдь не входили задачи государственного строительства на территории Белорусского края. Более того, «белорусский вопрос» представлялся оккупантам неразрешимым именно в силу слабости националистических и сепаратистских тенденций. «Будущее белорусской или кривичской национальности остается под вопросом, а, по мнению скептиков, — вообще сомнительно... Будущее покажет, получит ли белорусский или кривичский вопрос свое окончательное решение в теперешней ситуации», — отмечалось в немецком ежемесячнике *Deutsche Post aus dem Osten* [Mejer, 1941, s. 1]. Даже автор политики белорусизации В. Кубе заявлял, что «Беларусь, в первую очередь, была не более чем географическим понятием» [*Deutsche Zeitung im Ostland*, 1942, s. 1], однако это не мешало ему выступать с демагогическими заявлениями о «государствообразующем» характере белорусской нации.

Одной из составляющих политики белорусизации и очередным шагом в реализации оккупационной модели квазигосударственности стало основание летом 1942 года Белорусского корпуса самообороны (БСО). 29 июня Кубе объявил о создании Свободного корпуса самообороны. Деятели БСО было поручено выступить с обращением к белорусам с призывом добровольно вступать в ряды организации [Беларуская газета, 1942]. Фактически организация оказалась марионеточным

военизированным образованием, неким подобием национальной армии. Корпус БСО выступал символом реальной национальной государственности и тем самым должен был выполнять важнейшую идеологическую задачу. Официально основная цель деятельности БСО заключалась в борьбе с «бандитизмом», то есть с партизанами. Всего было создано 20 батальонов Самообороны, однако они были слабо вооружены, личный состав подразделений зачастую мобилизовался принудительно, а потому не отличался высоким боевым духом. Отряды БСО не могли противостоять партизанам, поэтому уже весной 1943 года германские власти стали их расформировывать. Фактически корпус дискредитировал себя полной неспособностью к участию в боевых операциях и оказывал скорее отрицательное морально-психологическое и идейно-политическое влияние. Как отмечает польский исследователь Ю. Туронак, белорусы практически не участвовали в организации «нового порядка», «в отличие от Украины и Прибалтики тут было сложно организовать полицейские батальоны и действительно национальную администрацию» [Туронак, 1993, с. 113]. Причина этого феномена кроется в исторических перипетиях белорусской земли: длительном пребывании в составе иных государств и их культурно-цивилизационном влиянии, целенаправленной политике колонизации и русификации и, как следствие, низком уровне национального самосознания и стремления к национальному самовыражению.

Тем не менее Кубе не оставлял попыток создать некое подобие национального белорусского органа, который можно было бы использовать в пропагандистских целях. Очередным шагом его администрации в этом направлении стало образование летом 1942 года особого подразделения в системе немецкой администрации — института «Мужей доверия» при Генеральном комиссариате в Минске [Раніца, 1942, № 28]. Лидер БНС И. Ермаченко объявлялся «советником и Мужем доверия белорусского народа» для обеспечения «плодотворного участия белорусов в управлении краем». В июле 1942 года была учреждена Главная рада БНС во главе с И. Ермаченко [Там же, № 33], в состав которой вошли А. Адамович, В. Гадлевский, Г. Гринкевич, С. Кандыбович, В. Козловский, Н. Нарко, И. Николаевич, Я. Найдюк, Я. Сакович, Сенкевич, П. Свирид. Кроме того, в каждом округе были созданы окружные рады БНС, а при Главной раде БНС — отделы политики, пропаганды, культуры, охраны здоровья, школьный и военный. Их аналоги появились и в окружных подразделениях Рады. Таким образом, благодаря принятым В. Кубе мерам на территории Генерального округа Беларусь возник целый аппарат управления национального характера. При этом делопроизводство велось на двух языках — немецком и белорусском. Эти шаги дали Кубе основание выступить с неоднозначными публичными заявлениями о будущем белорусов. «Новый путь развития сможет привести Беларусь в европейское сообщество государств и народов. Генеральный округ Беларусь должен выполнять не только административные задачи, продиктованные военной необходимостью, ему суждено стать Отечеством для белорусского народа», — говорилось в статье Кубе. А далее он делал вывод о том, что белорусы являются «государствообразующим народом» [Deutsche Zeitung im Ostland, 1942, s. 1–2].

Однако деятельность лидеров Рады в области национально-государственного строительства и участия в текущих политических вопросах была столь активна, что стала причиной расследования Главного управления безопасности рейха против И. Ермаченко по обвинению в государственной измене. Причиной этого послужил меморандум на имя Кубе, инициатором и автором которого был лидер БНС. В марте 1943 года на съезде окружных глав БНС и военных референтов Центральная рада БНС адресовала этот документ генеральному комиссару. «Белорусская интеллигенция не может противостоять вражеской пропаганде, поскольку сама не знает конкретных условий вступления Белоруссии в Новую Европу, — говорилось в нем, — съезд считает целесообразным предложить следующие мероприятия, которые еще могут вернуть энтузиазм в народе для борьбы за Новую Европу: обозначить идеологическую и организационную основу вхождения Белоруссии в состав Новой Европы, признать ее независимость; создать национальное правительство, которое объявит об отделении от СССР и объявит ему войну, как врагу белорусского народа; отменить большевистские законы; организовать Белорусскую Национальную Армию; привлечь в Белоруссию эмигрантские силы» [НАРБ. Ф. 908. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4; Пушкаренко, 2021, с. 171–172]. Непомерные политические амбиции Ермаченко, а во многом и ревность к его успехам со стороны «соратников» стали причиной его устранения из политического пространства оккупированной Беларуси.

Кроме того, начальник СС и полиции Генерального округа Курт фон Готтберг видел реальную угрозу в политических проектах БНС. Он обвинил Ермаченко в том, что тот «кормит берлинские власти полностью ошибочными националистическими белорусскими идеями», что «БНС больше причинила вреда, чем принесла пользы, вводя в заблуждение население». Его особенно возмутило создание Корпуса самообороны, «отряды которого с оружием в руках переходят на сторону партизан» [AAN. Mf. Aleks. T-454. R.39/1057]. Как следствие, Ермаченко был выслан в

Прагу (центр белорусской эмиграции), в апреле 1943 года корпус БСО был распущен, а его личный состав передан в распоряжение местной полиции. Деятельность БНС ограничивалась исключительно вопросами охраны здоровья и оказания материальной помощи населению.

Высылка И. Ермаченко и ограничение политических компетенций БНС означала, что проект В. Кубе по созданию национального органа самоуправления провалился, по крайней мере, в прежнем формате эта идея себя исчерпала. Новым вариантом национального института власти стала так называемая «Белорусская рада доверия», о созыве которой Кубе объявил 27 июня 1943 года [НАРБ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2]. Рада функционировала при Генеральном комиссариате в Минске, была наделена полномочиями совещательного органа и включала представителей белорусского актива. По случаю учреждения Рады Кубе демагогично заявил: «Мы прибыли сюда как победители, но победители большевизма, а не белорусов, для них мы — освободители». Кубе призвал членов Рады так организовать работу с белорусским народом, чтобы «он [народ] оказался на уровне европейских» [НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 24. Л. 10]. Администрация Кубе активно создавала видимость какого-то сотрудничества и взаимодействия с белорусским активом на равных, передав в компетенцию деятельности Рады три направления: школьное образование и воспитание молодежи, восстановление хозяйства и борьба с «бандитизмом» [Беларуская газета, 1943, 3 июля]. При этом у вновь созданного органа не было ни программы, ни устава, формально он являлся не самостоятельным национальным органом управления, а всего лишь составной частью немецкой администрации. Фактически его члены были полномочны выступать с «совещательным голосом» на заседаниях в Генеральном комиссариате и отправлять на имя Кубе предложения [AAN. Mf. Aleks. T-454. R.23/473]. Однако в ряде случаев обращения членов Рады носили характер обвинений против подразделений СС и СД, превративших борьбу с партизанами в истребление мирного населения.

Было очевидно, что на фоне зверств полиции блекнут все начинания в области белорусизации. Ни о каком возрождении Беларуси не могло быть и речи, когда нацисты сжигали целые деревни вместе с их жителями. Именно об этом зашел разговор на совместном заседании немецкой администрации и членов Рады в Генеральном комиссариате в Минске 23 августа 1943 года. Рада Доверия собрала данные о репрессиях в ходе карательных экспедиций на территории округа, жертвами которых стало гражданское население, в том числе прозвучал рапорт Ф. Кушеля об операции «Герман», когда было уничтожено население десяти белорусских деревень (людей сожгли заживо в их домах) [Преступные цели ... , 1985, с. 142].

Мы не считаем этот своего рода демарш коллаборационистов проявлением некоего гуманизма или совести за соучастие в геноциде собственного народа. Скорее, члены Рады понимали, что подобные методы оккупационной политики ударяли по имиджу самого белорусского актива, сидевшего за одним столом с убийцами белорусского народа, и никакие рассуждения о будущем Беларуси не могли оправдать убийства соотечественников — женщин, детей, стариков. Подтверждением нашей мысли служит заявление членов Рады, с которым они обратились к белорусскому народу по случаю смерти В. Кубе: «В лице Покойного белорусский народ теряет своего лучшего друга и борца за интересы Беларуси» [Deutsche Zeitung im Ostland, 1943]. Очевидно, что лицемерие и двуличие этих людей сочеталось с человеческой и политической наивностью. Многие из членов Рады всерьез рассчитывали воспользоваться военной ситуацией, предполагая использовать в своих политических целях создателей Третьего рейха. Активно поддерживая немецких «освободителей» на словах, они пытались выстроить свою политическую, как им казалось, национальную линию в интересах Беларуси. «Судьба белорусского дела зависит исключительно от антибольшевистского фронта», — заявил один из лидеров белорусского актива Ф. Акинчиц [Беларуская газета, 1943, 28 марта — 8 апр., с. 1–2]. При этом многие представители белорусского коллаборационизма хотели использовать нацистские власти как инструмент в обретении суверенитета и государственности. Например, лидеры партии белорусских националистов Я. Станкевич и В. Ивановский предполагали, что нацистская Германия потерпит поражение в войне и главный удар ей будет нанесен на Западном фронте, поэтому свои ожидания на реализацию «белорусской идеи» связывали с Великобританией и США. Период же властвования на землях Беларуси немецких нацистов Станкевич и Ивановский намеревались приспособить к собственным политическим целям: для захвата местной администрации, создания национальных вооруженных сил и идеологической подготовки населения [Турунак, 1993, с. 158–159]. Однако эта «тонкая» политическая игра потерпела исторический крах.

Смерть генерального комиссара Кубе осенью 1943 года не остановила политику белорусизации, фактически ее продолжил Курт фон Готтберг, преемник Кубе. Хотя Готтберг не являлся сторонником политического курса на сотрудничество со славянскими народами, однако

военно-политическая ситуация вынуждала его следовать линии своего предшественника. Новый генеральный комиссар Беларуси понимал, что в ситуации постоянного роста партизанского движения и приближения линии фронта немецкая администрация должна опираться на поддержку населения, а обеспечить ее можно было, только активизировав националистическую пропаганду. Поэтому следующим этапом белорусизации стало учреждение Белорусской центральной рады (БЦР). С целью создания видимости народного участия в определении кандидатуры будущего главы БЦР и тем самым придания ей легитимного характера, 19 декабря 1943 года в Барановичском округе было проведено собрание местного актива, который выдвинул Р. Островского в качестве кандидата на должность национального лидера [Малецкі, 1976, с. 118–119]. 21 декабря в Минске в ходе праздничного собрания Готтберг объявил о создании БЦР и назначил Островского ее президентом. Был зачитан Устав БЦР, согласно которому организация объявлялась «единственным представительством белорусского народа», а ее главная задача состояла в консолидации всех национальных сил на борьбу с большевизмом [НАРБ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10; Раница, 1944]. Согласно Уставу все свои инициативы вновь провозглашенный национальный орган должен был согласовывать с немецкой администрацией. Президента БЦР мог назначить только генеральный комиссар округа, который по рекомендации главы БЦР определял и ее членов. Таким образом, даже с формальной точки зрения БЦР не обладала самостоятельностью и была полностью подконтрольна немецким властям. Ее единственной реальной практической задачей стала пропаганда. Вскоре после провозглашения БЦР во всех административных единицах Генерального округа прошли митинги и манифестации под лозунгами «белорусской независимости» и «борьбы с бандитизмом».

Планировалось, что верификации самостоятельности этого коллаборационистского органа послужит образование национальных вооруженных сил — Белорусской краевой обороны (БКО). Символично, что предложение БЦР о создании национальных воинских частей получило одобрение Готтберга 23 февраля 1944 года [НАРБ. Ф. 382. Оп. 1. Д. 5. Л. 2]. При БЦР было открыто главное управление БКО, возглавляемое Ф. Кушелем, а в округах назначались окружные коменданты, деятельность которых заключалась в организации работы призывных комиссий. Сам факт создания белорусских воинских формирований должен был стать свидетельством готовности белорусов выступить единым фронтом с немецкими частями против «общего врага — большевизма». То обстоятельство, что БКО возглавляет белорус, преподносилось как создание широкого национального самоуправления в военной сфере. При этом организация белорусских воинских формирований в этот период войны выполняла уже не столько пропагандистскую роль, сколько должна была стать реальной преградой на пути наступающих частей Красной армии. Однако расчеты немецкой администрации на массовую мобилизацию белорусов в БКО себя не оправдали. Мобилизация проходила принудительно, за неявку на призывной пункт грозила смертная казнь. К весне 1944 года БЦР удалось создать 36 пехотных и 6 саперных батальонов краевой обороны [Романько, 2013, с. 186], однако это «войско» было небоеспособно, при первой возможности ее члены переходили к партизанам.

К числу крупных пропагандистских акций националистического характера на завершающем этапе войны можно отнести созыв II Всебелорусского конгресса в июне 1944 года [Соловьев, 1995, с. 78]. На него приехали 1 039 делегатов из белорусских регионов, а также белорусы из Литвы, Латвии, Польши, Австрии, Чехии и Германии. Конгресс провозгласил себя «полноправным и наивысшим представительством белорусского народа», подтвердил, что его законным представителем является БЦР во главе с ее президентом Р. Островским, заявил о непризнании БССР как формы белорусской государственности и объявил неправомерными все советско-польские договоренности, которые затрагивали интересы Беларуси. Эта декларация, в сущности, не противоречила политическому плану Готтберга, в основе которого лежала идея использования проблематики белорусского национального самоуправления в качестве контрмеры советской пропаганде. Акция должна была создать иллюзию наличия самостоятельной белорусской государственности со своим правительством и армией. Однако деятельность конгресса проходила фактически под звуки фронтовой канонады и вряд ли могла кого-то ввести в заблуждение. Как следствие, политические спекуляции немецких пропагандистов на тему «белорусской идеи» и активное использование оккупационными властями коллаборационистов себя не оправдали.

Выводы

Оценивая эффективность немецкой пропаганды в области национально-государственной проблематики, следует учитывать ряд объективных факторов. Во-первых, в тактике оккупационной

политики в округе существовало как минимум два подхода: силовой (Гиммлер, Готтберг и силы СС и СД) и идеологический (Кубе и немецкая гражданская администрация округа). Они зачастую противоречили друг другу, однако противоречили чисто методологически, поскольку цели нацистов в отношении «освобожденных» народов Востока были едины и воплощены в известном плане «Ост». Во-вторых, усилия немецких пропагандистов нивелировал контраст между содержанием пропаганды и реалиями оккупационного режима (массовые убийства мирных граждан как способ «борьбы с бандитизмом», геноцид евреев, принудительные вербовки «остарбайтеров», уничтожение и разграбление культурно-исторического наследия Беларуси), показывая лживость и демагогичность всех лозунгов и проектов по возрождению Беларуси. За годы войны на территории оккупированной БССР немецкие власти провели более 140 карательных операций, в ходе которых сожгли около 5,5 тыс. населенных пунктов со всеми или частью жителей [Беларусь партизанская, 2019, с. 195]. В-третьих, активная пропагандистская деятельность белорусских коллаборационистов не вызывала доверия у народа, люди не спешили вступать в национальные организации оккупационного формата. Так, общее число членов БНС не превышало 30 тыс. [Раніца, 1943]. Немецкие источники неоднократно подтверждали это, например, в отчете окружного комиссара П. Гахмана говорится: «Не могло быть и речи о доверии белорусского населения к БЦР» [AAN. Mf. aleks. T-454. R.102/306-308].

Немецкая исследовательница Б. Квинкерт констатирует: «Несмотря на попытки склонить на свою сторону или, по крайней мере, принудить советское население к поддержке оккупантов, усилия пропагандистов не увенчались успехом. Гражданские лица были не только свидетелями [немецких] преступлений, но и сами пострадали от немецкой оккупационной политики», поэтому уже в первые месяцы войны действия немецких властей полностью уничтожили «всякую возможность завоевать сердца и умы белорусского населения с помощью позитивной пропаганды» [Quinkert, 2009, s. 157].

Список источников

1. Беларусь партизанская : ил. энцикл. партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. — Минск : Беларус. энцыкл. імя Пётруся Броўкі, 2019. — 352 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 370. — Оп. 1. — Д. 24, 411 ; Ф. 380. — Оп. 1. — Д. 1 ; Ф. 381. — Оп. 1. — Д. 1 ; Ф. 382. — Оп. 1. — Д. 5 ; Ф. 908. — Оп. 1. — Д. 2.
3. Преступные цели — преступные средства. — М. : Экономика, 1985. — 328 с.
4. Пушкаренко Е. А. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссии в 1941–1944 годах // Известия Саратовского университета. Сер. «История. Международные отношения». — 2021. — Т. 21, вып. 2. — С. 167–174. — [DOI10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174).
5. Романько О. В. Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945. — М. : Центрполиграф, 2013. — 478 с.
6. Соловьев А. К. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах. — Минск : Беларусь, 1995. — 176 с.
7. Беларуская газета. — 1942, 8 июля. — № 48 ; 1943, 28 марта — 8 апр., 3 июля.
8. Лыч Л. М. Нацыянальна-культурнае жыццё на Беларусі ў часы вайны (1941–1944 гг.). — Вільня : Наша Будучыня, 2011. — 332с.
9. Малецкі Я. Пад знакам Пагоні. — Таронта, 1976. — 86 с.
10. Раніца. — 1942, 18 июля. — № 28 ; 6 сент. — № 33 ; 25 дек. — № 1 ; 1943, 10 янв. ; 1944, 9 янв.
11. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. — Мінск : Беларусь, 1993. — 236 с.
12. Archiwum Akt Nowych (AAN). Mf. Aleks. — T-454. — R.23/510, 23/473, 39/1057, 102/306-308.
13. Deutsche Zeitung im Ostland. — 1942, 30 Aug. — № 11 ; 1943, 23 Sept.
14. Mejer P. Die Weissruthenien // Deutsche Post aus dem Osten. — 1941. — № 11.
15. Quinkert B. Propaganda und Terror in Weißrußland 1941–1944: Die deutsche “geistige” Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen. — Paderborn : F. Schöningh, 2009. — 419 s.

References

1. *Belarus' partizanskaja* [Belarusian Partisans]. Minsk, Belarusian Encyclopaedia named for Petrus Broŭki Publ., 2019, 352 p. (In Russian).
2. *Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus'* [National Archive of the Republic of Belarus]. F. 370, Op. 1, D. 24, 411 ; F. 380, Op. 1, D. 1 ; F. 381, Op. 1, D. 1 ; F. 382, Op. 1, D. 5 ; F. 908, Op. 1, D. 2. (In Russian).

3. *Prestupnye celi — prestupnye sredstva* [Criminal Aims — Criminal Means]. Moscow, Economics Publ., 1985, 328 p. (In Russian).
4. Pushkarenko E. A. German Policy and Cultural Propaganda in Belarus in 1941–1944. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija "Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija"* [Bulletin of Saratov University. History of International Relations series]. 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 167–174. DOI10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174. (In Russian).
5. Roman'ko O. V. *Belorusskie kollaboracionisty. Sotrudnichestvo s okkupantami na territorii Belorussii. 1941–1945* [Belarusian Collaborationists. Collaboration with the Enemy at the Territory of Belarus. 1941–1945]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2013, 478 p. (In Russian).
6. Solov'ev A. K. *Belorusskaja Central'naja Rada: sozdanie, dejatel'nost', krah* [Belarusian Central Rada: Creation, Work, Collapse]. Minsk, Belarus Publ., 1995, 176 p. (In Russian).
7. *Belaruskaja gazjeta*. 1942, July 8, no. 48 ; 1943, March 28, April 8, July 3. (In Belarusian).
8. Lych L. M. *Nacyjanal'na-kul'turnae zhyccjo na Belarusi Ź chasy vajny (1941–1944)*. Vil'nja, Nasha Buduchynja Publ., 2011, 332 p. (In Belarusian).
9. Malecki Ja. *Pad znakam Pagoni*. Taronta, 1976, 86 p. (In Belarusian).
10. *Ranica*. 1942, July 18, no. 28 ; 6 Sept., no. 33 ; 25 Dec., no. 1 ; 1943, 10 Jan. ; 1944, 9 Jan. (In Belarusian).
11. Turonak Ju. *Belarus' pad njameckaj akupacyjaj*. Minsk, Belarus' Publ., 1993, 236 p. (In Belarusian).
12. *Archiwum Akt Nowych (AAN)*. *Mf. Aleks.* T-454, pp. 23/510, 23/473, 39/1057, 102/306-308. (In German).
13. *Deutsche Zeitung im Ostland*. 1942, 30 Aug, no. 11 ; 1943, 23 Sept. (In German).
14. Mejer P. *Die Weissruthenien*. *Deutsche Post aus dem Osten*. 1941, no. 11. (In German).
15. Quinkert B. *Propaganda und Terror in Weißrußland 1941–1944: Die deutsche "geistige" Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen*. Paderborn : F. Schöningh Publ., 2009, 419 p. (In German).

Информация об авторе

Пушкаренко Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии.
Сфера научных интересов: Вторая мировая война, немецкая пропаганда.

Information about the author

Pushkarenko Elena Anatolyevna — Candidate of History, Associate Professor in the Department of Humanities at Russian Customs Academy.
Research interests: world war II, German propaganda.

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; принята к публикации 15.09.2022.

The article was submitted 28.01.2022; accepted for publication 15.09.2022.